

ЛАРА ВЕЙН

ДРАМУ

ЗЕМЛЯ БЕЗ ВОЗВРАТА

18+

Лара Вейн

Аралу. Земля без возврата

«Автор»

2026

Вейн Л.

Аралу. Земля без возврата / Л. Вейн — «Автор», 2026

Полмиллиона лет назад на Красной планете жила цивилизация, построившая моря, города и сады. Это её хроника — от первой высадки до последней записи умирающего мира. Кто создал людей и зачем? Что убило Аралу? И что спит под её песками, если последние слова планеты: «Это сделали не мы»? Вторая книга цикла «Хроники Аралу».

© Вейн Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предисловие переводчика	6
Часть первая. Дыхание	9
Глава 1. Шар за шаром	9
Глава 2. Первые купола	14
Глава 3. Свет, который жжёт	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лара Вейн

Аралу. Земля без возврата

Глава

АРАЛУ. ЗЕМЛЯ БЕЗ ВОЗВРАТА

Книга вторая цикла «Хроники Аралу»

Предисловие переводчика

Светлояр, деревня Китеж. 5 апреля 2061 года, вечер

Я пишу это за несколько часов до того, как корабль «Туманов» уйдёт с орбиты к Переправе, а оттуда к Марсу. На нём летит моя дочь. Через месяц она и ещё пятьдесят три человека и ану ступят на дно кратера Ми, где под тридцатью восемью метрами песка лежит город, который его жители называли Ми-Аралу. В западной стене этого кратера есть дверь. Её ещё никто не открывал.

Я хочу, чтобы до того, как её откроют, люди прочитали эту книгу.

Это не роман, хотя читается, наверное, как роман. Это хроника. Её писали не люди и не для людей. Большую её часть писали ану — высокие бледные существа с огромными глазами, которых мы двадцать восемь лет назад впервые увидели на берегу этого самого озера. Писали полмиллиона лет. Писали для своих — для тех, кто жил на Переправе и ждал вестей с Аралу, Красной звезды, второго дома, который они построили и потеряли.

Я только перевёл.

* * *

Скажу, откуда взялись тексты. Читатель имеет право знать, чему верить, а чему — нет.

Первый источник — архив дома Слушающих. Каждый раз, когда Переправа проходила мимо Солнца, Аралу отправляла на неё всё, что накопилось за шар: летописи городов, отчёты, письма, песни, списки умерших и родившихся. Слушающие хранили это почти полмиллиона лет. В 2043 году Нинурэ — та самая Нинурэ, которая сейчас спит на своём корабле в сорока тысячах километров над нами, — передала копию архива Земле. Всем странам одновременно, как требует Женевский договор. Это около двухсот тысяч страниц, если переложить их на бумагу. Я прочитал их все. Некоторые — по многу раз.

Язык архива — язык ану, тот самый, от которого произошёл шумерский. За двадцать восемь лет я научился читать его почти свободно. Мне помогали: Нинурэ, Каали, моя ученица Ариада, Всеслава из Китежа, которая выросла на Переправе и знает многие тексты наизусть с детства. Без них я не прочитал бы и половины.

Но в архиве есть дыры. Целые тысячелетия, о которых Аралу почти ничего не сообщала Переправе. Дом Создающих — тот, что изменил наших предков триста тысяч лет назад, — отправлял на Переправу только то, что считал нужным. Остальное хранил у себя, на Аралу. И это остальное, как мы думали, погибло вместе с Аралу.

Второй источник — устная хроника рода Элеи. Атланты четыреста поколений на Земле и сто двадцать — на Переправе пересказывали детям историю двенадцати кораблей и острова Тир-Ату слово в слово. Элея и Ариада продиктовали мне её за одиннадцать вечеров в 2039 году, в белом доме с голубыми ставнями на краю кальдеры Санторина. Части пятая и шестая во многом основаны на ней.

Третий источник — самый важный. И о нём нужно рассказать подробнее.

* * *

Все, кто читал о событиях 2030-х годов, знают последние слова Аралу. Три знака: НУ, МЕ, АК. «Это сделали не мы». Их передал нам маяк со дна Светлояра в ту сентябрьскую ночь 2032 года, когда на тёмной воде горели картинки умирающего Марса. Их пересказывала Элея. Их повторяла Нинурэ. Больше трёх шаров ану носили эти три слова в себе, как занозу, не зная, что они значат.

Никто не знал, что это не всё.

Одиннадцать тысяч шестьсот лет назад, когда Аралу умерла, Переправа находилась далеко — почти в трёхстах астрономических единицах от Солнца. Голос шёл до неё сорок часов. Последняя передача с Аралу пришла туда слабой, искажённой, разорванной. Слушаю-

щие приняли её и записали. Разобрали три слова в самом начале — громкие, ясные. Остальное звучало как шум. Как треск. Как ветер в пустой трубе.

Они хранили этот шум одиннадцать тысяч лет. Ану ничего не выбрасывают. Но и не пытаются понять то, что кажется им непонятным. Им страшнее, чем интересно.

В 2052 году Окафор, тот самый профессор из Беркли, который когда-то первым разнёс мою работу о числах в сигнале, попросил у Нинурэ эту запись. Просто так. Из любопытства. Он хотел посмотреть, как звучала Аралу перед смертью.

Он сидел над ней восемь лет.

Оказалось, это не шум. Это — голос, наложенный сам на себя много раз. Тот, кто передавал, знал, что сигнал дойдёт слабым, и повторял всё снова и снова, сотни раз подряд, чтобы хоть что-нибудь пробилось. Если сложить все повторы вместе, как астрономы складывают сотни снимков слабой звезды, — шум расходится, и проступает голос.

Голос женщины. Её звали Эрешкигаль. Она была хранительницей дома памяти в Ми-Аралу. И перед смертью она прочитала в пустоту всё, что хранилось в этом доме. Всё, что Создающие скрывали двадцать с лишним тысяч лет.

Окафор закончил восстановление в январе этого года. Последние фрагменты он прислал мне шесть недель назад. Я переводил их день и ночь. Части четвёртая и шестая этой книги основаны на её голосе.

* * *

Одно место в её записи я долго не мог перевести.

Эрешкигаль говорит на языке ану. Но там, где речь идёт о тех, кто живёт под Аралу, она вместо слова каждый раз ставит знак. Не произносит — передаёт его изображение, как маяк передавал нам картинки. Знак, которого не знали ни Нинурэ, ни Каали, ни самый старый из ану. Он похож на тот, что вырезан на двери в западной стене кратера Ми и что светится в центре кристалла, который Элея отдала нам на этом берегу двадцать пять лет назад: три ветви, тянущиеся к середине круга. Похож — но не тот. На двери ветви сходятся, и в середине — глаз. У Эрешкигаль середина пуста.

Я думал, что это имя.

Вчера ночью, на этом самом берегу, при свете Переправы, которая висит теперь над соснами тёмным диском в треть Луны, я дочитал первую строку кристалла. На его правой стороне этот знак стоит напротив слов «те, кто спит под Аралу». И я понял, что это не имя. Это вопрос. Как вопрос стал их именем — вы прочтёте.

В этой книге я зову их Спящими. Это слово не моё и не их. Так их назвал тридцать четыре тысячи лет назад Одан из дома Слушающих — одним глазом, после того как отдал второй. Я не знаю, как они называют себя сами. Может быть, никак.

* * *

Как читать эту книгу.

Хроника охватывает почти полмиллиона лет. Это больше, чем существует наш вид. Я не мог перевести всё. Я выбрал тех, о ком архив рассказывает подробно, — тех, чьи письма сохранились, чьи голоса можно услышать. Между главами иногда проходят века, иногда тысячелетия. Я пишу об этом в начале каждой главы.

Ану живут долго, но не вечно — не больше десяти тысяч лет. Полмиллиона лет — это пятьдесят таких жизней, если ставить их одну за другой. Поэтому у каждой части книги свои герои. Пусть читателя не смущает, что одни и те же имена встречаются в разные эпохи: у ану имя главы дома переходит к тому, кто ведёт дом после него. Нинхурсаг, Энки, Нергал — это титулы. Отсюда, я думаю, и то, что в шумерских мифах одни и те же боги живут тысячи лет. Люди помнили имя, а не того, кто его носил.

Я старался переводить так, чтобы было понятно человеку, а не только ассириологу. Меры времени ану я везде перевёл в земные годы. Их «шар» — три тысячи шестьсот наших лет — я

оставил как есть: это слово мы знаем от шумеров, оно давно наше. Имена я давал в той форме, в которой их запомнили на Земле, если такая форма есть. Где я сомневаюсь в переводе, я так и пишу. Между частями я вставил короткие заметки — что из прочитанного совпадает с тем, что мы знаем на Земле. Их можно пропустить.

Там, где источники молчат, я ничего не добавлял от себя. Почти. Где добавлял — сказано.

* * *

Последнее.

Глеб Аркадьевич Туманов, учитель моей жены, сказал мне однажды, за шахматной доской в Буково, после того как разделал меня в четырнадцать ходов: «Корнеев, вы читаете не знаки. Вы читаете людей. Даже если они не люди». Перед смертью он велел мне прочитать всё. Их знаки, их язык, их историю. Аралу, Создающих, «это сделали не мы».

Глеб Аркадьевич, я прочитал. Не всё — но то, что успел. Простите, что так долго.

А тем, кто полетит к двери, я хочу сказать одно. Создающие написали на кристалле: «Не открывайте её, пока не станете сильнее нас». Прочитайте эту книгу. И решите сами, стали ли мы сильнее.

Я не знаю ответа. Я только переводчик.

Л. С. Корнеев

Часть первая. Дыхание

Глава 1. Шар за шаром

Около 500 000 лет назад. Переправа, город Дильмун

Из летописи дома Слушающих. Начало записи о Красной звезде.

Нинхурсаг было четыреста лет, когда она впервые увидела Солнце без дымки, и она запомнила этот день на всю жизнь, хотя жизнь её оказалась очень долгой.

Это было в последние годы прохождения. Переправа подходила к Солнцу так близко, как подходила раз в шар, — один раз за три тысячи шестьсот лет, — и над Дильмуном, городом в Тёплой долине, дымка истончалась. Не исчезала совсем — она не исчезала никогда, — но становилась тоньше, светлее, и сквозь неё, если подняться на гору Светящихся Камней и подождать, пока ветер разгонит облака, можно было увидеть звезду, которая была ярче всех остальных.

Солнце.

Нинхурсаг поднялась на гору с наставницей. Старая Ниназу, глава дома Растящих, шла медленно, опираясь на посох из светящегося дерева, и каждые сто шагов останавливалась отдохнуть. Ей было девять тысяч лет. Она видела Солнце много раз — два с половиной шара, — но всё равно пошла.

— Почему? — спросила её Нинхурсаг, когда они остановились в третий раз, у ручья, где тёплая вода из недр горы бежала по чёрным камням и светилась голубым. — Вы же видели его.

— Потому что я старая, — сказала Ниназу. — Следующий раз — через шар. Я не доживу.

Они поднялись к вершине, когда ветер уже разогнал облака.

Нинхурсаг смотрела вверх. Небо над ней было чёрным, как всегда, — бархатным, глубоким, без единой звезды, потому что дымка глушила их свет. Но в одном месте, низко над горами на востоке, дымка была тоньше. И там, в этом тонком месте, висела точка.

Белая. Маленькая. Невыносимая.

Нинхурсаг зажмурилась. Глаза обожгло, как будто в них плеснули горячей водой. Она отвернулась, закрыла лицо руками и долго стояла так, чувствуя, как под веками плывут красные пятна.

— Не смотри прямо, — сказала Ниназу. — Смотри рядом. Краем глаза. Как на огонь горячей горы.

Нинхурсаг посмотрела краем глаза. Пятна под веками ещё плыли. Но теперь она видела: вокруг белой точки, в тонкой дымке, разливалось сияние. Бледное, широкое, серебристое. Оно освещало облака снизу, и горы на востоке, и долину под ними. Там, внизу, светящиеся леса казались тусклыми, как угли под пеплом. Их свет терялся в этом другом свете — чужом, холодном, приходящем сверху.

— Это — оно, — сказала Ниназу. — Оно греет все миры, кроме нашего. Наш греет сам себя.

— Зачем же оно тогда?

Старуха засмеялась — тихо, низко, как смеются очень старые ану.

— Не всё на свете — затем, — сказала она. — Иное — просто есть.

* * *

В тот шар Переправа проходила мимо Солнца, как проходила всегда, — по длинной вытянутой дороге, которую Слушающие знали наизусть. Сто с лишним лет она была близко. Потом уходила во тьму, туда, где Солнце снова становилось просто звездой, — на три с половиной тысячи лет. Потом возвращалась.

Шар за шаром. Так было, сколько помнил дом Слушающих. Так было до того, как ану научились писать. Так было, говорили Держащие — древний медленный народ, великаны, жившие в горах, — до того, как появились сами ану.

И каждый раз, когда Переправа проходила мимо Солнца, Слушающие смотрели на другие миры.

Их было несколько. Огромный полосатый шар с кольцами, мимо которого Переправа проходила, возвращаясь из тьмы. Ещё один огромный, весь в цветных поясах, с четырьмя крупными спутниками, — его Слушающие называли Отцом Вихрей. Потом — пояс камней. А за ним, ближе к Солнцу, — маленькие миры. Каменные. Четыре.

Ближайший к Переправе — когда она проходила самую нижнюю точку своей дороги — был рыжим.

Слушающие называли его Красной звездой. На него смотрели во все времена. Его рисовали. О нём пели. Он был маленьким — меньше Переправы почти вдвое, — и тяжесть на нём была в два с лишним раза меньше. Воздуха — почти нет. Воды — нет. Только лёд на полюсах и в глубине. Холодный, сухой, мёртвый мир. Ничего интересного.

Так думали тысячи лет.

А потом, в этот шар, — шар, когда Нинхурсаг было четыреста лет, — в Совете домов Дильмуна встал Алалу.

* * *

Алалу был из дома Летающих. Ему было три тысячи лет — средний возраст, ни молодой, ни старый. Он был высоким даже для ану — два с половиной человеческих метра, если мерить нашими мерами, — и широким в плечах, с низким голосом, который звучал в зале Совета, как гул подземной воды. Он водил корабли к Отцу Вихрей и к поясу камней. Он единственный из живущих ану видел вблизи кольца полосатого шара.

В зале Совета было тридцать домов. Тридцать старейшин в длинных тёмных одеяниях сидели полукругом в каменной чаше, вырубленной в горе. Над ними — купол, расписанный светящимися знаками. Под ними — тёплый пол, прогретый недрами.

Нинхурсаг сидела на ярусе для младших, за спиной Ниназу. Она не должна была говорить. Она должна была слушать и учиться.

— Я хочу полететь на Красную звезду, — сказал Алалу. — И остаться там.

В зале стало тихо. Так тихо, как бывает, только когда тридцать старейшин ану одновременно перестают дышать.

— Зачем? — спросил наконец старейшина дома Слушающих. Его звали Ан-Эду, и ему было восемь тысяч лет.

— Потому что наш мир один, — сказал Алалу.

Он подождал, пока смысл дойдёт до всех. Ану думают медленно — Нинхурсаг знала это о своём народе, хотя тогда ещё не знала, что бывают народы, которые думают быстро.

— Наш мир один, — повторил Алалу. — Он тёплый, потому что тёплый внутри. Его греют недра. Наши Слушающие говорят, что недра остывают. Медленно. Так медленно, что мы не заметим. Наши дети не заметят. Их дети — тоже. Но когда-нибудь — заметят. Через тысячу шаров. Через десять тысяч. Тёплые долины станут меньше. Горящие горы погаснут. Светящиеся леса потускнеют. И однажды — однажды — наш мир станет холодным, как камни в поясе. И нам некуда будет уйти.

— Ты боишься, — сказал Ан-Эду.

— Я боюсь, — согласился Алалу. — Как все мы. Мы — народ, который боится. Это — хорошо. Это сохранило нас. Мы не лезем в огонь. Мы не ходим туда, где не знаем дороги. Мы живём долго, потому что осторожны. — Он помолчал. — Но я думаю: если мы боимся, что наш дом когда-нибудь остынет, — разве не разумно построить второй? Не для нас. Для тех, кто будет через десять тысяч шаров.

— На Красной звезде нельзя жить, — сказал Ан-Эду. — Там нет воздуха. Там нет воды. Там холодно. Там — Солнце.

— Солнце там слабее, чем у других каменных миров, — сказал Алалу. — Вдвое слабее, чем на голубом, третьем. Вчетверо — чем на втором, белом. А воздух и воду — можно сделать.

— Как?

Алалу не ответил. Он повернулся и посмотрел вверх — на ярус для младших.

На Нинхурсаг.

* * *

Это была её идея. Её и ничья больше.

Она рассказала её Алалу за год до Совета, на берегу Тёплого озера, ночью. Он пришёл в дом Растящих за семенами — для оранжерей на своём корабле, который тогда собирался к поясу камней. Нинхурсаг выдавала ему семена. Он спросил, чем она занимается. Она ответила — малыми живыми.

Малыми живыми ану называли тех, кого невозможно увидеть глазом. Крошечных существ, которые жили везде — в воде, в земле, в воздухе, в телах больших живых. Дом Растящих изучал их тысячи лет. Учился выращивать нужных, отваживать ненужных. Малые живые помогали растить светящиеся леса, очищали воду, делали плодородной землю.

Нинхурсаг была из тех, кто их изменял.

Немного. Совсем чуть-чуть. Ану умели читать нити, из которых сделаны живые, — длинные свёрнутые цепочки внутри каждой клетки, которые говорят клетке, кем быть. Умели менять их. Это было трудно и опасно, и дом Растящих делал это редко и осторожно. Но делал.

— На Красной звезде воздух тонкий, — сказала она тогда Алалу, сидя на тёплом камне у воды. — Но он есть. Из того, что у нас называется тяжёлым дымом — тем, что выдыхают горящие горы. Его там мало, но есть. А в земле там, говорят Слушающие, много солей. Особенных солей. В них спрятан тот самый газ, который нам нужен для дыхания. Много. Очень много. Целые моря этого газа — только заперты в соль.

— И?

— И есть малые живые, которые умеют отпирать соль, — сказала Нинхурсаг. — У нас, в глубоких горячих источниках. Они едят такие соли и выдыхают то, что в них заперто. Их немного, они слабые, они живут только в горячей воде. Но если их изменить... — она замолчала.

— Что?

— Если их изменить, чтобы они жили в холоде, в сухости, под светом, — сказала Нинхурсаг, — они будут есть соли Красной звезды. И выдыхать. Год за годом. Век за веком. Шар за шаром. И когда-нибудь у Красной звезды будет воздух. Не такой, как у нас. Но — воздух.

Алалу долго смотрел на неё.

— Сколько это — «когда-нибудь»?

— Не знаю, — сказала Нинхурсаг. — Десять шаров. Двадцать. Пятьдесят.

— Мы не доживём.

— Мы не доживём, — согласилась она. — А наши дети?

* * *

Теперь, в зале Совета, Алалу смотрел на неё. И тридцать старейшин — тоже. Повернули головы. Тридцать пар огромных тёмных глаз.

Нинхурсаг почувствовала, как у неё холодеют руки.

Ниназу, сидевшая перед ней, не обернулась. Только сказала тихо, не поворачивая головы:

— Встань. Скажи.

— Я не должна...

— Встань, — повторила старуха. — Я разрешаю.

Нинхурсаг встала.

Она не помнила потом, что говорила. Летопись дома Слушающих записала её слова — коротко, сухо, как записывала всё. Малые живые. Соли. Газ для дыхания. Десять шаров, двадцать, пятьдесят. Она говорила медленно, потому что ану говорят медленно, и тихо, потому что ей было страшно. Её голос дрожал. Тридцать старейшин слушали молча.

Когда она замолчала, Ан-Эду спросил:

— Ты уверена, что это получится?

— Нет, — сказала Нинхурсаг.

— Почему тогда предлагаешь?

Она подумала. Долго, как думают ану. Тридцать старейшин ждали.

— Потому что, если не попробовать, — сказала она наконец, — мы никогда не узнаем.

В зале кто-то тихо ахнул. Кто-то покачал головой. Ниназу, сидевшая перед ней, вдруг выпрямилась — Нинхурсаг увидела, как дрогнули её плечи, — и Нинхурсаг не сразу поняла, что старуха смеётся. Беззвучно.

Ан-Эду смотрел на Нинхурсаг долго.

— Это — странные слова, — сказал он. — Ану так не говорят. Ану говорят: «если не знаешь, — не ходи». Ты говоришь: «иди, чтобы узнать». — Он помолчал. — Откуда в тебе это?

— Не знаю, — сказала Нинхурсаг.

Это была правда.

* * *

Совет спорил девять дней.

Девять дней тридцать старейшин сидели в каменной чаше под расписанным куполом. Говорили. Молчали. Снова говорили. Дом Летающих был за. Дом Растящих — за, после того как Ниназу встала и сказала одно слово: «Да». Дом Слушающих сначала был против, потом сказал, что будет смотреть и записывать, что бы ни решили. Дом Горящих Гор, чьи мастера варили металл в жерлах вулканов, спросил, сколько металла нужно на корабли, и, получив ответ, ушёл совещаться и вернулся с согласием. Дом Тёплой Воды был против. Дом Старших — те, кто хранил древние законы, — был против.

На десятый день Совет решил.

Пусть летят. Немногие. Те, кто хочет. Никого не неволить — таков был закон с самых древних времён: никого не неволить. Три корабля. Три тысячи ану. Если через шар Красная звезда убьёт их — значит, так. Если через шар они будут живы — значит, посмотрим.

— Летите, — сказал Ан-Эду. — Мы будем слушать.

* * *

В ночь перед отлётом Нинхурсаг снова поднялась на гору Светящихся Камней. Одна. Ниназу была слишком слаба, чтобы подняться ещё раз.

Переправа уже начинала уходить от Солнца. Дымка над Дильмуном снова густела. Солнце было не видно — только бледное пятно на востоке, низко над горами.

А рядом с ним — Нинхурсаг долго искала, шурилась, смотрела краем глаза — была ещё одна точка. Маленькая. Рыжая. Едва различимая в дымке.

Красная звезда.

Нинхурсаг смотрела на неё до тех пор, пока не заслезилась глаза — у ану нет слёз, но глаза могут болеть и мокнуть от напряжения, — и ей показалось, что точка смотрит на неё в ответ.

Ей было страшно. Очень. Так страшно, как не было никогда за четыреста лет. Она летела туда, где нет воздуха, нет воды, нет тепла, — где есть только Солнце, от которого болят глаза. Она летела туда, откуда, может быть, не вернётся. Она летела, чтобы делать то, что никто никогда не делал.

И всё-таки — под страхом, глубоко, как тёплая вода под чёрными камнями горы, — было что-то ещё. Что-то, чему она не знала названия. Что-то, от чего хотелось смотреть на рыжую точку ещё и ещё.

Много позже, через десятки тысяч лет, её далёкие наследники из дома, который она основала, найдут этому названию слово. И вложат это слово в других. В тех, кто будет жить под Солнцем.

Но тогда, на горе Светящихся Камней, ночью, накануне отлёта, у Нинхурсаг не было для этого слова.

Она просто смотрела.

Летопись дома Слушающих, шар первый от отлёта: «В последний год прохождения три корабля дома Летающих под рукой Алалу ушли к Красной звезде. На них — три тысячи. С ними — Нинхурсаг из дома Растящих, с малыми живыми в сосудах. Мы слушаем».

Глава 2. Первые купола

Около 500 000 лет назад. Красная звезда, северная равнина

Корабли летели два года и сорок дней.

Нинхурсаг почти всё это время провела в оранжерее «Звезды Утренней» — второго из трёх кораблей Алалу. Там, в тёплом сумраке, под низким потолком, в длинных рядах прозрачных сосудов жили её малые живые. Триста сосудов. В каждом — своя порода. Те, что ели соли в горячих источниках под горой Светящихся Камней. Те, что жили в ледяных родниках на севере Переправы. Те, что выживали в почти сухой земле на склонах горящих гор. Она меняла их нити — чуть-чуть, осторожно, по одной — и смотрела, кто выживет.

Выживали немногие. Почти никто.

Алалу заходил к ней раз в несколько дней. Стоял у входа в оранжерею, пригнувшись — потолок был низким даже для обычных ану, а он был выше всех, — и молча смотрел, как она работает.

— Ну? — спросил он однажды, на исходе второго года.

— Шесть пород из трёхсот, — сказала Нинхурсаг. — Живут в холоде. Живут в сухости. Едят соли, похожие на те, что на Красной звезде. Мы сделали такие соли здесь, из того, что везём. Выдыхают.

— Много?

— Мало. Очень мало. — Она помолчала. — Но выдыхают.

Алалу кивнул.

— Шесть — лучше, чем ноль, — сказал он и ушёл.

* * *

Красная звезда росла в окнах корабля месяц за месяцем. Сначала — точка. Потом — горошина. Потом — круг. Рыжий, пятнистый, с белыми шапками на полюсах и с тёмными пятнами там, где лежали пески другого цвета. С длинным шрамом поперёк — огромным каньоном, таким длинным, что на Переправе он протянулся бы от Дильмуна до северного моря. С четырьмя горами в ряд на одном боку — такими высокими, что их вершины торчали над тонким воздухом, как острова над водой.

Два маленьких спутника, неровных, похожих на обломки камня, бегали вокруг неё — один быстро, другой медленно.

За месяц до прибытия Алалу собрал всех, кто был на «Звезде Утренней», в главном зале корабля.

— Мы будем садиться на север, — сказал он. — На большую равнину. Слушающие говорят — там, под пылью, лёд. Много льда. Там низко, и воздух там чуть плотнее. Там нет высоких гор, которые помешают садиться. И там — кратер. Мы выбрали его ещё с Переправы. Круглый, не слишком большой. Его стены защитят от ветра. Его дно — ровное. Под ним — лёд.

— А Солнце? — спросил кто-то.

— Солнце там будет, — сказал Алалу. — Как везде на этой звезде. Мы построим купола. Мы будем выходить ночью. Мы сделаем маски. — Он помолчал. — Я не буду врать. Будет трудно. Будут смерти. Кто не хочет — может остаться на корабле. Корабли будут ждать на орбите до тех пор, пока Переправа не уйдёт. Ещё сорок лет. Можно вернуться.

Никто не сказал, что хочет остаться.

Нинхурсаг смотрела на них — на три сотни ану в главном зале «Звезды Утренней». Они все боялись. Она видела это по тому, как они сидели — сжавшись, обхватив колени длинными руками, — и как смотрели — широко раскрыв огромные глаза, не мигая. Ану всегда так сидят и так смотрят, когда им страшно.

Но никто не сказал, что хочет остаться.

«Странно, — подумала она. — Почему?»

Она не знала тогда ответа. Она узнала его много позже. Те, кто полетел с Алалу, были не такими, как все. Они были из тех редких ану, в ком под страхом жило что-то ещё. Что-то, что заставляло их подниматься на гору, чтобы посмотреть на Солнце, хотя от него болели глаза. Их было мало на Переправе. Один из ста. Может быть, из тысячи.

Все они сейчас были здесь.

* * *

Посадку Нинхурсаг не запомнила. Только толчок — сильный, долгий, — и тишину после. И голос Алалу из всех стен корабля одновременно, низкий, спокойный:

— Мы на Красной звезде.

Её облачение было готово уже месяц. Тонкое, гладкое, тёмное, плотно облегающее тело — дом Горящих Гор ткал такие из металлических нитей для тех, кто работал в жерлах вулканов. Шлем — с широкой полосой тёмного стекла спереди. На спине — сосуды с воздухом. В облачении было тепло, и тесно, и душно, и Нинхурсаг казалось, что она закована в камень.

Первым вышел Алалу. Потом — двенадцать из дома Летающих. Потом — Нинхурсаг. Ей разрешили выйти в первой группе, потому что она должна была взять первую горсть земли.

Шлюз открылся.

* * *

Был вечер.

Алалу нарочно рассчитал посадку на вечер — чтобы первые часы на Красной звезде были в сумерках. Чтобы глаза успели привыкнуть.

Нинхурсаг шагнула из шлюза на рыжую землю — и сначала ничего не почувствовала. Совсем ничего. Её тело стало лёгким, почти невесомым, как во сне. Тяжесть на Красной звезде была в два с лишним раза меньше, чем на Переправе. Каждый шаг — как прыжок. Она чуть не упала, оттолкнувшись от трапа слишком сильно, и Алалу поймал её за руку.

— Осторожно, — сказал он по связи. — Здесь всё легче. И мы — тоже.

Она огляделась.

Равнина. Ровная, бескрайняя, усыпанная камнями — большими и маленькими, тёмными и рыжими. Пыль под ногами — мелкая, мягкая, как мука, и рыжая, как ржавчина. Справа, вдаль, — низкий вал, тёмный на фоне неба: край кратера, того самого, который выбрали с Переправы. Слева — ничего. Только камни и пыль до горизонта.

А горизонт был близко. Странно близко. Красная звезда была маленькой, и край её загибался вниз быстрее, чем край Переправы. Казалось, если пройти немного вперёд, можно увидеть, как мир кончается.

И небо.

Нинхурсаг подняла голову.

Небо было розовым. Бледным, грязно-розовым, как пыль под ногами, только светлее. На западе, низко, садилось Солнце — маленькое, меньше, чем она видела его с горы Светящихся Камней, — и вокруг него небо было не розовым.

Оно было голубым.

Холодным, пронзительным, бледно-голубым, как светящаяся вода в ручьях под горой. Голубое сияние вокруг заходящего Солнца — а весь остальной небосвод розовый. Нинхурсаг никогда не видела ничего подобного. Никто из ану не видел.

— Почему голубое? — спросила она шёпотом.

— Пыль, — сказал Алалу. Он тоже смотрел на запад. — Слушающие предупреждали. Пыль в воздухе. Она рассеивает свет. Днём небо будет розовым. А на закате, вокруг Солнца, — голубым. — Он помолчал. — Я читал об этом. Но не думал, что это будет так.

Они стояли и смотрели, пока Солнце не село.

* * *

А потом пришла ночь.

Сначала стало просто темно. Розовое небо посерело, потом потемнело, потом стало чёрным. Ветер — тонкий, едва ощутимый через облачение, — затих. Мороз начал пробираться через металлическую ткань, и Нинхурсаг почувствовала, как немеют пальцы.

А потом — она подняла голову ещё раз — и замерла.

Небо было в звёздах.

Нинхурсаг никогда в жизни не видела звёзд. Ни она, ни Алалу, ни кто-нибудь из трёх тысяч ану, прилетевших с ним. На Переправе дымка закрывала небо всегда. Всегда. Тысячи шаров. Ану знали, что звёзды есть: Слушающие видели их со своих высоких гор в редкие ясные часы, когда Переправа проходила у Солнца, — одну, две, десяток самых ярких. Знали по записям тех, кто летал на кораблях. Но видеть их — своими глазами, над головой, без стекла корабельного окна, — никто не видел.

А здесь их были тысячи.

Десятки тысяч. Сотни тысяч. Огромные глаза ану, привыкшие к вечным сумеркам Переправы, видели в темноте то, что не видят никакие другие глаза. Каждую звезду. Самую слабую. Небо над Красной звездой было не чёрным — оно было серебряным. Усыпанным огнями так густо, что между ними почти не было черноты. А через всё небо, от горизонта до горизонта, тянулась светящаяся река — широкая, клубящаяся, с тёмными прожилками, с яркими сгустками, похожими на светящиеся облака. Она была такой яркой, что от неё на рыжую землю ложились тени.

Нинхурсаг не могла дышать.

Рядом с ней Алалу медленно опустился на колени. Прямо в рыжую пыль. Огромный, широкоплечий, трёхтысячелетний ану, водивший корабли к Отцу Вихрей, стоял на коленях и смотрел вверх.

Двенадцать из дома Летающих — тоже.

Нинхурсаг тоже опустилась на колени.

— Ты видишь? — сказал Алалу шёпотом. Голос в связи был хриплым.

— Вижу, — сказала Нинхурсаг.

— Мы не знали, — сказал Алалу. — Мы никогда не знали, что это так. Что над нами — это. Всё это время. Над дымкой. Всегда.

Они стояли на коленях посреди рыжей равнины, под тысячами звёзд, пока мороз не стал невыносимым и Алалу не приказал возвращаться.

* * *

На востоке, перед самым рассветом, когда они уже шли к шлюзу, Нинхурсаг увидела ещё одну звезду.

Низко над горизонтом. Ярче всех остальных. Не белую и не жёлтую, как другие, — голубую. Чисто, ясно голубую, с крошечной белой искоркой рядом.

Она остановилась.

— Алалу. Что это?

Алалу посмотрел.

— Третий мир, — сказал он. — Голубой. Тот, где Солнце вдвое сильнее. Где всё время светло. — Он помолчал. — И искра рядом — его луна. Большая. Слушающие видели её. Говорят, она такая большая, что иногда закрывает Солнце целиком.

Голубая звезда висела над горизонтом Красной, чистая, яркая, далёкая.

— Красивая, — сказала Нинхурсаг.

— Красивая, — согласился Алалу. — Но туда нам нельзя. Там нас убьёт свет.

* * *

Купол поставили к следующему вечеру.

Его везли в сложенном виде, на «Звезде Полуденной», — тонкую прозрачную плёнку из тех же металлических нитей, что и облачения, только тоньше, и каркас из лёгкого светлого металла. Двенадцать из дома Летающих работали всю ночь. Купол поднялся над рыжей равниной на краю кратера — полусфера в сто шагов поперёк, прозрачная снаружи и тёмная изнутри. Стекло было сделано так, чтобы пропускать как можно меньше солнечного света днём и как можно больше звёздного — ночью.

Его наполнили воздухом, который привезли с Переправы. Нагрели. Внутри поставили лёгкие дома — тоже складные, тоже из металлических нитей.

К третьей ночи на Красной звезде в куполе жили триста ану. К десятой — тысяча. Корабли садились один за другим, разгружались, поднимались на орбиту. К сороковой ночи — все три тысячи. В трёх куполах. На краю кратера.

Через сорок лет, когда Переправа начала уходить от Солнца, корабли ушли тоже. Все три. На них вернулись те, кто не смог. Таких было двести. Двести из трёх тысяч. Остальные остались.

* * *

Вечером десятого дня, когда работа в куполе ненадолго затихла, Нинхурсаг сидела у прозрачной стены и смотрела на звёзды. Алалу подошёл и сел рядом.

— Надо дать ей имя, — сказал он.

— Кому?

— Этой земле. Красной звезде. Мы теперь здесь живём. Нельзя жить на земле без имени. Нинхурсаг подумала. Долго, как думают ану.

— На нашем языке есть слово, — сказала она. — Старое. Его почти не говорят. Оно значит — «место, где видно звёзды». Им называли вершины самых высоких гор, куда Слушающие поднимались в ясные часы. Таких мест на Переправе — три. Их так и называли.

— Какое слово?

— Аралу, — сказала Нинхурсаг.

Алалу повторил его. Медленно, будто пробовал на вкус.

— Аралу, — сказал он. — Место, где видно звёзды.

Он посмотрел вверх — на серебряное небо, на светящуюся реку через весь небосвод.

— Хорошее имя, — сказал он. — Правильное.

Летопись дома Слушающих, весть первая с Красной звезды: «Мы живы. Три тысячи. Купола стоят. Солнце жжёт. Ночью — звёзды. Мы назвали эту землю Аралу. Алалу».

* * *

Примечание переводчика. В шумерском языке слово «Аралу» (арали) означает подземный мир, страну мёртвых, «землю, откуда нет возврата». Ассириологи двести лет спорили о его происхождении — слово выглядит чужим, не шумерским. Теперь мы знаем, откуда оно. И знаем, что когда-то оно значило совсем другое. Слова, как и миры, могут умереть и переродиться в своей противоположности. Это слово переродилось одиннадцать тысяч шестьсот лет назад. — Л. К.

Глава 3. Свет, который жжёт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.